

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ - АМЕРИКАНСКИЙ ЧАС. АРХИВ

"Вехи новой России. 2+2"

Александр Генис Соломон Волков

05 сентября 2011



Сергей Довлатов. 1989 (Фото: Нина Аловерт)

Александр Генис: Сегодня в эфире сентябрьский выпуск нашей юбилейной рубрики, которой мы отмечаем 20-летие Новой России.

Сегодняшний выпуск "Вех" выходит в свет в дни 70-летия Довлатова. И этот юбилей широко отмечается и в России, и в русской Америке, и на всем постсоветском пространстве, где Сергей стал любимым писателем своего поколения. И, конечно, особенно торжественно день рождения Сергея празднуют там, где его лучше всего знали – в Петербурге и Таллине. Это радует еще и потому, что Довлатов, наконец, добился признания именно там, где ему в нем отказывали. Как говорил по этому поводу Сергей, "я хочу получить сдачу, там, где обсчитали". И он ее получил сполна, но слишком поздно.

Довлатов умер непростительно молодым. Наверное, поэтому так часто мы задаемся вопросом, что бы произошло с его литературой, если бы ее автор остался в живых?

Рассуждая на эту неизбежную в юбилейные дни тему, я хочу подчеркнуть один

непреложный факт. За те два десятилетия, что прошли со смерти Довлатова, в отечественной литературе изменилось все, кроме того места, которое в ней занимает этот писатель. Книги Сергея по-прежнему любят все, кто читал, – от водопроводчика до академика, от правых до левых, от Бродского до Солженицына. Сергей умер как раз в то время, когда его сочинения впервые добрались до массового русского читателя. Он хотел отметить свое 50-летие книгой рассказов, в которой было бы собрано все лучшее, что он написал. То есть, Довлатов осознавал себя законченным писателем. В этой ситуации особенно интересен вопрос о том, что бы он делал дальше? Сергей работал на материале, казалось, уже отработанном. Но в самых последних его рассказах (он умер, успев сочинить два рассказа из нового сборника "Холодильник") появилась новая тема. Он брал своих русских персонажей, помещал их в Америку и смотрел, что из этого получится. Впрочем, такой поворот мог привести к тематическим, но не стилевым, открытиям. Сергей как стилист, как мастер прозы сложился настолько основательно и прочно, что он вряд ли бы изменил свою благородно сдержанную манеру. Довлатов ведь никогда не хотел изменить русскую литературу, он хотел оставить в ней след. Он не революционер, а хранитель. Ему казалось главным – вписаться в нашу классику. Что он и сделал.

За последние 20 лет в русской литературе перепробовали все на свете: соцарт, постмодернизм, передергивания, комикование, стеб. И чем больше экспериментов, тем быстрее устает читатель. На этом фоне здоровая словесность Довлатова импонирует самой широкой аудитории. Это – нормальный писатель для нормальных читателей.



Василий Аксенов, 1977

Довлатов не успел к Новой России, Аксенов успел покорить и ее. Самый яростный западник новой литературы, он прекрасно чувствовал себя за границей, смешно

писал о ней, даже перевел с английского роман Доктору. Да и в Москве он хотел жить, как в Париже, считая ее как раз тем, чем она теперь стала - "рядовой" европейской столицей. Сам Аксенов для этого сделал немало. Обогнав историю на полный круг, он первым понял, что принадлежность к одной генерации важнее идеологических различий. Запад для Аксенова был не географическим, не политическим, а поколенческим понятием. В его ранних книгах гулял молодежный интернационал, который в доносах назывался космополитическим. Впрочем, ту всемирную "джинсовую" прозу, к которой примыкала его литература, следовало бы назвать "пижонской". Еще в робкую хрущевскую оттепель Аксенов показал, что брюки дудочкой и штиблеты на микропорке – мощный ответ идеологии. В отличие от диссидентов, пижоны не спорили с властью, они жили, не замечая ее.

Разделяя взгляды (и вкусы) своих героев, Аксенов никогда не искал особого пути для России, не признавал его и не хотел. Власть ему этого не простила, не успокоившись до тех пор, пока в хрестоматийное петровское окно не вывалился один из тех, кто хотел из окна сделать двери. Вековой спор разрешился с римской простотой: западники должны жить на Западе...

Основатель русской версии "джинсовой" прозы, Аксенов сохранил ее способность освежить мир. Не перестроить, заметим, а остранисть, сделать новым, а, значит – юным. Борясь со "звериной серьезностью" (его выражение), Аксенов поставил на "карнавал и джаз". Не удивительно, что он прижился в Америке. Как его американские учителя и соратники – от Селинджэра до Пинчона – Аксенов исповедывал вечный нонконформизм, взламывающий окостеневшие формы романа, мира, жизни.

Поселившись в Вашингтоне, Аксенов быстро вырос, как он говорил не без иронии, в самого знаменитого писателя города, в котором речи ценятся больше романов. Но став американским писателем, он не удалился, а приблизился к прежним читателям.

При этом нельзя сказать, что Аксенов "задрал штаны, бежал за комсомолом", как бы тот ни назывался. Просто он всегда был молодым. Именно поэтому Аксенову удалось то, о чем мечтают все писатели – перешагнуть границу поколений, покорив их все. И романтических читателей журнала "Юность", и бородатых диссидентов, и нынешнюю Россию, где "Московская сага" (сам видел) делила книжный развал с Пелевиным и Сорокиным.

Теперь, Соломон, представьте музыкальную пару, которая поможет нам озвучить этот период в истории Новой России.

Соломон Волков: Конечно, это должны быть джазовые музыканты, потому что любовь к джазу это одна из тех вещей, которая объединяла столь разных авторов как Довлатов и Аксенов.

Александр Генис: Соломон, я уже не застал столь страстной любви к джазу, которая отличала всех тех, кто принадлежал к тому поколению, начиная с Бродского, который боготворил джаз. Как вы думаете, почему джаз стал эмблемой поколения?

Соломон Волков: Я считаю, что джаз для всего этого поколения был не столько музыкой, или не просто музыкой, а стилем жизни. Джаз был для них учебником той жизни, о которой они мечтали, и которая во многом вдохновляла прозу и Довлатова, и Аксенова.

Александр Генис: А как вы думаете, рок для следующего поколения играл такую же роль, как джаз, или уже иную?



Соломон Волков: Я думаю, что чрезвычайно похожую, хотя это явления с очень разные, и рок, как мы знаем из истории, вытеснил уже в значительной степени джаз. Но я выбрал двух музыкантов для нашего разговора: один - чисто джазовый

музыкант, пианист Леонид Чижик, замечательный исполнитель, одна из крупнейших фигур отечественного джаза, а другой персонаж - Алексей Козлов, который начинал как джазмен и эволюционировал в сторону того, что можно назвать джаз-роком. Он основал первый в СССР джаз роковой ансамбль "Арсенал", и этот ансамбль стал легендарным. Чижик это человек, которому первому в Советском Союзе разрешили выступать с сольными концертами как пианисту. Он родился в Кишиневе, ему сейчас 64 года, окончил музыкальную школу в Харькове, а в 1970 году (он не сумел окончить Гнесинское училище в Москве), но зато окончил Горьковскую консерваторию. Играл он в Джаз-трио Германа Лукьянова, в Оркестре Утесова, а с 1978 года уже выступал исключительно как солист-виртуоз. С 1991 года он живет в Германии, профессорствует в Веймаре и Мюнхене. Пристрастие к джазу у него обозначилось в очень раннем возрасте - он совсем еще мальчишкой начал играть в ресторанах, шокируя своих учителей, и быстро приобрел репутацию джаз пианиста номер один. Ему первому в Советском Союзе разрешили выступать с "незалитованной" программой. Объясню тем, кто уже не знает, что это такое. В Советском Союзе всякое публичное выступление с чтением ли стихов, с исполнением ли музыкальных произведений нужно было литовать в цензуре, цензура должна была одобрить программу, и очень к этому делу относились серьезно. Так что то, что Чижик разрешили исполнять "незалитованные программы", было колоссальным прорывом. И он стал в Советском Союзе заслуженным артистом РСФСР, что тоже свидетельствует о степени его официального признания. Сам Чижик говорит о себе так:

"Я играю не музыку, я играю ощущение жизни, я передаю ее изменчивость звуками рояля. В этом смысле я - импрессионист. Джаз для меня - дитя классической традиции: Бах, Бетховен, Вагнер, Малер, Скрябин и Шостакович".

Такая очень интересная арка - от Баха до Шостаковича. И Чижик демонстрирует нам разные лица своей творческой манеры. Вот композиция на тему Гершвина "Embraceable You".

(Музыка)

А вот как реализуется импровизационное мастерство Чижика. Его сочинение, которое так и называется - "Спонтанная импровизация".

(Музыка)



Трудно поверить, но Алексею Козлову уже стукнуло 75 лет. Джазменом он, как и Чижик, решил стать еще в школе, начинал сначала как барабанщик, но потом, найдя в подвале Московского архитектурного института, где он учился, саксофон, переключился на этот инструмент. С 1961 года он выступал в легендарном джаз-клуб кафе “Молодежное” на улице Горького - это было то место, откуда вообще пошел советский джаз.

Александр Генис: Наша Луизиана.

Соломон Волков: Да. В 1962 году там прошел первый Московский фестиваль джаза, и казалось, что джаз в Советском Союзе расцветет в тот момент, но в 1962 году произошла знаменитая атака Хрущева на авангардное искусство, на модернизм, заодно и на джаз, и джаз опять стали обличать в газетах как "опасное вражеское проникновение".

Александр Генис: “Музыка толстых” назывался джаз тогда.

Соломон Волков: Это - с подачи Алексея Максимовича Горького, а как диверсию его стали рассматривать в позднее сталинское время и в хрущевскую эру. В 1963 году ему удалось появиться на гибких дисках знаменитого журнала “Кругозор”, который тогда невозможно было достать. Причем думали его зарубить и отдали Шостаковичу на отзыв, были убеждены, что Шостакович даст дурной отзыв, а тот, наоборот, благословил Козлова и этот легендарный выпуск “Кругозора появился”. А с 1973 года он выступает как руководитель джаз-рок ансамбля “Арсенал”. В 1976 году важным событием в жизни “Арсенала” было выступление в Спасо-Хаусе, доме, принадлежащем Американскому посольству в Москве, на концерте в честь 200-летия Независимости США, и тогдашний посол Америки написал специальное письмо советскому руководству, где призывал дать возможность этому замечательному ансамблю играть. А в 1990 году “Арсенал” распался, как ни парадоксально, возродившись только в 1994 году, а в 1995 был признан лучшей джазовой группой России.

Козлов и Аксенов были очень близки, и в 1974 году “Арсенал” выступал на творческом вечере Аксенова в ЦДЛ. Сам Козлов в своей книге “Козел на саксе” (прекрасная мемуарная книга, читается с большим увлечением) с юмором описал это выступление. Он рассказал, как они все приехали в ЦДЛ, чтобы установить аппаратуру, и, пока они устанавливали, пол зала уже заполнили московские хиппи, “Дети цветов”. Билетерши, которые это увидели, тут же донесли администратору, который взял дело в свои руки: “Что будете играть?” Козлов ответил уклончиво: “Отрывки из классики”. “А громко?”. “Нет, совсем тихо”, - соврал Козлов. “Вы лауреат?” - спросил администратор. (Оказывается, Аксенов ему сообщил, чтобы прикрыть всю эту историю, что Козлов - лауреат международного конкурса, что было правдой. А в советское время слово “лауреат” имело магическое действие, как и слово “депутат”). “Я тоже, - сказал ему администратор. - Я тоже получил премию на конкурсе самодеятельности”. На этом они как-то поладили, но после первой же пьесы “приличную” публику, которая сидела в первых рядах, как ветром сдуло, администратор стал показывать весьма энергично, что надо закругляться, потому что он чувствовал, что все это куда-то идет не туда. Но все-таки Козлову удалось тогда до конца довести это памятное выступление, которое потом было описано Аксеновым в романе “Ожог”, и Козлов с гордостью вспоминает, что он там появился под именем Самсона Саблина.

Александр Генис: Соломон, продолжая наш разговор о джазе и о писателях, я бы сказал, “джазовой эры”, как вы считаете, какую роль играл джаз в творчестве каждого из наших героев?

Соломон Волков: Я думаю, что он их вдохновлял, прежде всего. Я думаю, что

многие страницы сочинений и Довлатова, и Аксенова написаны в то время, когда они, может быть, слушали джаз, под эту музыку, потому что джазовые ритмы, конечно, особенно слышны в прозе Аксенова, она очень синкопированная, она свингует. Творчество Довлатова более сдержанное и прозрачное, и можно сказать, что многие страницы прозрачной, полновесной прозы Довлатова были написаны, когда он слушал Оскара Питерсона.

Александр Генис: Довлатов ведь часто писал о джазе, но, судя по его рассказам, впервые это случилось, когда великий джазовый пианист Оскар Питерсон не только чудом оказался в Таллине, но даже выступил там. Сергей написал на концерт газетную рецензию, которая заканчивалась на верхней, я бы сказал, хемингуэвской ноте. Звучит это так: “Я хлопал так, что у меня остановились новые часы”. Довлатовская фраза, да?

Наш коллега и большой любитель джаза Андрей Заганский принес в студию запись того самого таллинского концерта Оскара Питерсона, и это значит, что в овации, которые то и дело прерывают музыку, влились и довлатовские аплодисменты. Сейчас мы услышим эту запись. Итак, Таллин, 17 ноября 1974 года, у рояля - Оскар Питерсон, в зале - Сергей Довлатов.

(Музыка)

А теперь - "момент Плутарха". Сравним наших героев - Аксенов и Довлатов.

Соломон Волков: Мне кажется, более разных писателей трудно себе вообразить, при том, что они принадлежали к одному поколению. Насколько Довлатов весь это сдержанность, отбор, классицизм своеобразный литературный, настолько Аксенов это нечто барочное, человек, который все время пытался завоевать какие-то новые территории для русской литературы, и это ему во многом удалось, он очень расширил возможности русской прозы.

Александр Генис: Я прекрасно помню, как Аксенов приехал в Америку, это было в 80-м году, и встречали его мы с Довлатовым в аэропорту. . Аксенов приехал с легким чемоданчиком и с большой иронической улыбкой - он приехал как домой, и так оно и было. Мы его встречали как героя, потому что думали, что он возглавит наш либеральный лагерь в эмиграции и будет таким генералом.

Соломон Волков: Знаете, он как-то не подходил на роль вождя, он не умел собирать, пробивать это, на это требуется особое дарование и Аксенов им не обладал. Зато он писал все время следующие и следующие романы - вот это у него получалось.

Александр Генис: Сам Аксенов говорил, что считает себя графоманом, потому что

для него писание это наслаждение, и написать 40 страниц в день ничего не стоит. Кстати, Аксенов в Америке был необычайно собранным, дисциплинированным и спортивным человеком, он практически не пил, только красное вино (но курил) и мог запросто пробежать две мили. Так что он был в прекрасной спортивной и писательской форме, потому что он написал множество книг. Этим он сильно отличается от Довлатова, который написал тоже немало книг, а именно двенадцать, но все они очень тонкие.

Наши персонажи 20 лет спустя. К какому финалу пришли они в своей жизни?

Соломон Волков: Они оба очень популярны в России, их немножко стали подзабывать в Америке, но поскольку они заняли свое место в истории русской литературы второй половины XX века, и это место, как становится яснее с каждым годом, очень основательное, то и они здесь будут неминуемо изучаться как важные персонажи русской литературы XX века.

Александр Генис: Мне кажется, что в Америке произошла такая рокировка. Аксенов приехал сюда в ореоле славы, он был знаменитым русским писателем и диссидентом, как Солженицын, и постепенно он стал видным писателем в американском истеблишменте - печатал в лучших издательствах большие книги, и потихонечку вся эта слава сходила на нет, пока он не перебрался в Россию, и здесь его действительно подзабыли, особенно после “Московской саги”, которую одни сравнивали с книгами Солженицына, а другие критиковали с частой в Америке бесцеремонностью. Довлатов был, с одной стороны, не таким знаменитым, с другой стороны, его слава постепенно росла. Интересно, что теперь она возвращается из России, как вторичная слава - теперь новое поколение американских исследователей узнает о Довлатове эту отраженную славу из России, и то же происходит во всех европейских странах, где Довлатова постоянно переводят, читают и очень любят, больше, пожалуй, теперь, чем в Америке. Но в целом, мне кажется, смерть уравнила обоих - теперь они оба стали маршалами русской словесности.

Соломон, а теперь завершим сентябрьский эпизод цикла “Вехи Новой России” музыкальным фрагментом, соответствующим нашей теме.

Соломон Волков: Я выбрал для нашего финала композицию Леонида Чижика, которую он сам назвал “Соучасность”. Мне кажется, что эта композиция, в которой отразился модернистский аспект дарования Чижика, хорошо передает напряженную турбулентность тех дней, когда решалась судьба России 20 лет тому назад.

(Музыка)



Александр Генис



Соломон Волков

[Главные разделы](#)

[Поверх барьеров - Американский час. Архив](#)